

Михаил Котельников. «Отец» русского марксизма против марксистской ортодоксии

Фигура основателя российской социал-демократии Г.В.Плеханова сегодня, как и столетие назад, продолжает оставаться символом принципиального, непримиримого и в то же время теоретически состоятельного оппонирования большевизму. Однако вплоть до сегодняшнего дня в отечественной историографии марксизма традиционно воспроизводится обвинение Плеханова в пресловутом «догматизме», которое служит все тем же несмыслаемым ленинским «клеймом». В качестве примера достаточно обратиться к одному из новейших и наиболее фундаментальных биографических исследований, выполненных С.В. Тютюкиным. По мнению автора данной статьи, пафос всей теоретико-политической деятельности Плеханова сводится, по существу, к решению столь актуальной для современной России проблемы формирования гражданского общества. Однако, отдавая должное Плеханову как выдающемуся марксистскому теоретик и политику, требуется, разумеется, объяснить и причины его прижизненного поражения в диалоге с большевизмом.

Проявившаяся в «русификации» интернациональная сущность марксизма свидетельствовала о включении России в общеевропейский революционный процесс, что позволяло окончательно преодолеть ее многовековую социокультурную обособленность от Запада. Уже в самом факте создания осенью 1883 г. по инициативе Г. В. Плеханова первой марксистской (зарубежной) организации - группы «Освобождение труда» - прослеживается парадоксальная логика обращения народничества в марксистскую «веру». Но объективная трудность в распространении марксистских идей была связана с экстраполяцией российскими марксистами тезиса о близком крахе капитализма и переходе к социализму, тогда как в России речь могла идти лишь об устранении остатков средневековья и беспрепятственном развитии товарно-денежных отношений.

Историческая заслуга Плеханова состоит именно в том, что ему удалось, оставаясь верным научному потенциалу марксизма, преодолеть поистине роковое заблуждение «нигилистически» мыслящих российских

ортодоксов, коренящееся, по словам Н.А. Бердяева, в *плохом понимании* «ступенности исторического процесса».

Сегодня, в канун столетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции, особенно проникновенно и убедительно звучат те взвешенные оценки и предостережения, которые Плеханов адресовал Ленину и российскому ортодоксальному марксизму в целом. В ретроспективе мы, действительно, имеем все основания утверждать, «что в России, - как отмечает в этой связи американский историк и биограф Плеханова С. Бэрн, - по иронии судьбы, успешная революция создала непреодолимые препятствия для успешного построения нового общества. Трудно найти другое великое историческое событие, которое несло бы в себе больше противоречий, чем российская революция 1917 г.¹»

С утверждением большевистской диктатуры и последовавшим вскоре уходом Г.В. Плеханова из жизни на долгие семь десятилетий прервалась история российской социал-демократии. Не удивительно поэтому, что в советский период жизнь и деятельность его не только в политической, но и в библиографической литературе освещались весьма скупо и тенденциозно. Но даже с учетом принципиальных изменений в идеологическом формате на протяжении четвертьвекового интервала, отделяющего нас от развала Советского Союза, таких исследований предпринято крайне мало. Это обстоятельство фиксирует автор монографии «Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста» С.В. Тютюкин.¹
² Он справедливо подчеркивает, что «уже давно назрела потребность в новом, современном прочтении биографии Плеханова», которое он, собственно, и предлагает.

Фиксируя смену политических ориентиров в интерпретации теоретического наследия Плеханова, С.В. Тютюкин замечает, что «перестройка» принесла с собой позитивный «лавинообразный процесс разрушения старых идеологических стереотипов и мифов, отказ от

1 Бэрн С. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 127

2 Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 14. См. также: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. Наряду с данными авторами тему плехановедения в послесталинский период разрабатывали историки Ю.З. Полевой, Г.С. Жуйков, Р.В. Филиппов, философы Б.А. Чагин, И.К. Пантин, Г.Г. Водолазов, М.А. Лившиц и др. С начала 90-х гг. выходят работы: Бережанский А.С. Г.В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж, 1990; Коротаев Ф.С. Плеханов. Человек и политик. Пермь, 1992; Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994; кроме того появился ряд публикаций И.Н. Курбатовой, С.С. Волка, Т.И. Филимоновой.

идолопоклоннического отношения к Ленину, радикальное изменение взглядов на марксизм, революцию, социализм...»³ Вместе с тем, хотя «сначала его акции как политического противника Ленина и большевиков резко пошли вверх», в постсоветский период волна интереса к нему, достигнув своего апогея, приняла одностороннюю просветительно-патриотическую окраску и пошла на убыль в связи с «полным отрицанием нашего революционного прошлого и очернением марксизма». Разумеется, Плеханов и сегодня котируется как «провозвестник краха большевизма и критик ленинизма», но при этом из конъюнктурных соображений зачастую подается исключительно в облике «убежденного реформиста».

Тютюкин справедливо возражает против того, чтобы видеть в Плеханове политического деятеля, якобы разочаровавшегося в революции, с искренней симпатией воссоздает летопись его разносторонней и чрезвычайно насыщенной интеллектуальной и политической биографии. Однако после прочтения книги остается впечатление того, что «отец» русского марксизма так и не понял чего-то весьма существенного как в самом учении, так и в решении «проблемы. специальной адаптации марксизма к специфическим условиям России». Последней, как полагает автор, «для Плеханова *практически не существовало*^{4 5}».

Камень преткновения для российских марксистов

Вряд ли можно согласиться с тем, что Плеханов, будучи, несмотря на нападки своих оппонентов, и официальным, и подлинным основателем российской социал-демократии, обошел стороной вопрос, имеющий для нее *первостепенное* значение. Решение его, в свою очередь, непосредственно зависело от оценки процесса разложения крестьянской общины, - процесса, историческую неизбежность которого Плеханов *вынужден был* признать под давлением неопровержимых фактов. По воспоминаниям его супруги, РМ. Плехановой, «казалось, что

3 Плеханова РМ. Наша жизнь до эмиграции // Группа «Освобождение труда». М-Л., 1928. Сб. 6. С. 94. Курсив мой. - М.К.

4 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 12.

5 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 368. Курсив мой. - М.К.

вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет, являлся для него *вопросом жизни или смерти*¹». (Курсив мой. - М.К.) Расставшись с народническими надеждами на спасительную роль общины и на возможность движения России по некапиталистическому пути, Плеханов, таким образом, прошел через фазу мучительных размышлений на этот счет, чего нельзя сказать о траектории теоретических изысканий Ленина. В отличие от Плеханова, он считал не заслуживающей внимания, *надуманной* даже самую постановку народниками проблемы «самобытности» России.

Написанная Плехановым в 1884 г. работа «Наши разногласия» явилась первой в российской социалистической литературе, где был дан марксистский анализ состояния экономики пореформенной России. Немногим более 10 лет отделяют ее от ленинской книги «Развитие капитализма в России», сопоставимой как в содержательном отношении, так и по значимости в идейно-теоретическом становлении обоих марксистов. Это касается прежде всего, разумеется, осознания перспектив набирающего обороты процесса капитализации. Не разделяя уже народнических представлений «о крестьянстве вообще, как о чем-то, - по выражению Ленина, - *антикапиталистическом*», Плеханов, вместе с тем, избегает и проявившейся впоследствии полемической крайности ленинского тезиса о том, что «русское общинное крестьянство - *не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его*». Если Ленин списывает в разряд заведомо обреченных на исчезновение все без исключения «традиции патриархального быта» и «общинного духа», то у Плеханова мы находим, по крайней мере, *зачатки дифференцированного отношения к общине*.

Между тем, вся история постановки и решения аграрно-крестьянского вопроса в России пореформенного периода свидетельствует о том, что он, имея первостепенное значение, явился, тем не менее, «самым слабым звеном» в логически выстроенной системе российского марксизма. Плеханов в этом отношении не составляет исключения. Приходится с сожалением констатировать, что, будучи, без сомнения, истинным патриотом своего Отечества и выгодно отличаясь от Ленина гораздо меньшей *идеологической* одержимостью и, соответственно, большей последовательностью и принципиальностью в

сложнейших *теоретических* вопросах (в том числе глубокими знаниями в области ¹ социальной психологии, позволяющей учитывать и особенности российской ментальности), он, несмотря на весь этот набор ценнейших интеллектуально-нравственных качеств, так и не сумел разобраться в некоторых важных нюансах специфики развития аграрного сектора российской экономики с точки зрения его социалистической перспективы.

Констатируя наличие тенденции к разложению общины, сдерживавшей инициативу и предприимчивость своих членов, российские марксисты, казалось бы, решительно порывали с традиционной народнической идеологией об «особом» пути развития России. Но при этом, как ни парадоксально, они вовсе не приближались к истине. Лишенные диалектического подхода, эти представления также не улавливали в полной мере того, о чем свидетельствовали «новые явления в хозяйственной жизни», ибо строились на доказательстве преимуществ *западной* модели рыночных отношений в сельском хозяйстве, отнюдь не созвучной настроениям основной массы крестьянства.

Все дело в том, что «врастая» в капитализм, крестьянская община как *тип коллективной самоорганизации* не просто «разлагалась», *бесследно* исчезая под натиском классовой борьбы между сельской буржуазией и пролетариатом, а вступила, выражаясь диалектическим языком, на путь *самоотрицания*. В условиях все более осязаемой, как писал Ленин, «власти денег» и «полной зависимости от рынка» освобожденное от «оков общины» российское крестьянство, благодаря стихийно возникшему процессу кооперации, (не принимаемому в расчет ни Плехановым, ни Лениным), достаточно органично *адаптировалось* к ним, сохраняя «общинный дух» и одновременно переходя к качественно *иному* этапу в реализации коллективистского *принципа соединения труда и собственности*.

Можно сказать, что в многообразии форм кооперированного российского крестьянства возникали ростки, *аналогичные* возникшим еще при жизни Маркса в развитых странах Запада и упоминавшимся им в «Капитале» «кооперативным фабрикам рабочих». И если там они были, по словам Маркса, «*первой брешью*» в капиталистическом способе

производства, но явлением именно по этой причине, мягко говоря, совсем не типичным, то крестьянская кооперация, достигшая в России поистине впечатляющих масштабов, имела значительные шансы превратиться в растущий и весьма перспективный *социально-экономический уклад* с отчетливо выраженными *социалистическими* очертаниями. По отношению к «первобытному аграрному коммунизму», о котором писал Плеханов, - помогающему российскому «непосредственному производителю» *выжить* физически, но создающему препятствия для его *всестороннего развития*, - это была следующая ступень в эволюции коллективизма, та самая его социалистическая форма, в облике которой народникам удалось разглядеть лишь ее *однозначное противопоставление* капитализму (момент отличия).

Россия не могла, конечно, «перескочить» к социализму, минуя *развитую* (индустриальную) ступень капитализма, как полагали российские ортодоксальные марксисты. Но, устранив «централизованный деспотизм» царского режима в феврале 1917 г. и располагая в аграрном секторе *смешанной* экономики *жизнеспособным* и перспективным укладом в виде кооперированного крестьянства, она способна была, сохраняя и *расширяя* сферу его влияния, демонстрируя очевидные преимущества коллективной собственности и в сфере промышленного производства, создать все необходимые предпосылки для прорыва в индустриальное общество и *последующего* перехода к социализму.

Ближе всего к теоретической разработке этого варианта модернизации России приблизились в своем аграрно-индустриальном проекте легальные марксисты. В этой связи примечательна, в частности, позиция М.И. Туган-Барановского, книга которого «Социалистические основы кооперации» пользовалась заслуженной популярностью. Будучи известным историком и экономистом, он возглавлял журнал «Вестник кооперации», с 1908 г. был одним из руководителей «Комитета сельских и ссудо-сберегательных товариществ», принимал участие в кооперативных съездах, в организации кооперативных институтов в Москве и Киеве.

Что касается Ленина, он пришел к пониманию колоссального

потенциала кооперации тогда, когда в результате политического переворота и кровопролитной трехлетней гражданской войны была установлена однопартийная административно-командная система с ее мощнейшим бюрократическим аппаратом. Сконструированная на основе всеохватывающей государственной собственности, она не оставляла места для полноценной *коллективной* собственности самих трудящихся. Достаточно в этой связи сколько-нибудь внимательно ознакомиться с трудами известных российских ученых-аграрников, чтобы прийти к выводу о том, что ленинский кооперативный план в условиях политического монополизма большевиков (т.н. «диктатуры пролетариата») был заведомо нереалистичным, т.е. попросту *contradictio in adjecto* (противоречие по определению).

Превратившись вскоре после II съезда РСДРП (1903г.) в теоретического и политического оппонента Ленина, Плеханов, в отличие от него, *подчиняет* содержащийся в учении основоположников революционный радикализм теоретически безупречной логике материалистического понимания истории. Вместе с тем, он также не обратил внимания ни на отмеченный Марксом феномен уничтожения противоположности между капиталом и трудом в пределах «кооперативных фабрик самих рабочих» (глава «Роль кредита в капиталистическом производстве» в «Капитале»), ни на растущее кооперативное движение крестьянства в самой России. Более того. С именем Плеханова связана, как известно, история таинственного исчезновения ответа Маркса на письмо В.И. Засулич от 16 февраля 1881 г., где перспектива эволюции крестьянской земледельческой общины напрямую увязывается с «кооперативным трудом, организованным в широком масштабе». Как бы то ни было, не может вызывать сомнения то, что Плеханову была доподлинно известна неведомая Ленину точка зрения Маркса на русскую общину и кооперацию как *оптимальное* направление ее эволюции. Конечно, в алгоритме сформулированной Засулич *альтернативной* постановки вопроса - община *или* капитализм - Маркс высказывается в пользу ее сохранения. Но при этом, указывая на задачу создания «для нее нормальных условий на ее *нынешней основе*», он имеет в виду не ее *консервацию* (как ошибочно истолковывал, очевидно, этот тезис Плеханов), а только «первый шаг», совпадающий,

по его словам, «с общим движением русского общества».

При условии нейтрализации «непроизводительных посредников» и получения «нормального количества земли для возделывания» (чего последовательно добивались сами российские крестьяне, народники, а затем и эсеры как выразители их интересов, выступая с требованием ее социализации), расширение масштабов крестьянской кооперации и означало, по мысли Маркса, «дальнейшую эволюцию» земледельческой общины. Даже при отсутствии благоприятных условий «община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом развиваться в сторону крупных хозяйств».¹

Проблема противоречивости марксизма и алгоритм ее решения Плехановым

Не продвинувшись, таким образом, в целом дальше Ленина в понимании вектора исторического движения общинного крестьянства, а в вопросе о целесообразности национализации земли даже отступив от этого рубежа, Плеханов точно также не выявляет в марксизме и концепта его **основного противоречия** (в диалектическом формате *несовпадения* «духа» и «буквы»). При этом в его работах мы находим предельно отчетливые формулировки «духа» марксизма (как диалектической методологии), а также многочисленные иллюстрации соответствующего применения в конкретных вопросах теории и на практике..

Указывая на это обстоятельство, С.В. Тютюкин полагает, что *«внутренние противоречия были хорошо прикрыты блестящими логическими построениями Маркса, которые буквально ослепили Плеханова»*.^{6 7} (Курсив мой. - М.К.) Однако феномен «ослепления» если и объясняет отчасти причину «популярности марксизма» (наряду с тем, «что в то время он еще нигде не был испробован на практике»), то, во всяком случае, такое объяснение нельзя признать *исчерпывающим*, не говоря уже о том, что природу самих *«внутренних противоречий»* биограф Плеханова явно усматривает в их формальнологическом

6 Кара-Мурза С.Г. Столыпин - отец русской революции. М., 2003. С. 14 -15.

7 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 82.

происхождении. Примечательно, однако, то, что, по его словам, Плеханов, «в отличие от Каутского,.. был убежден, что Бернштейна совершенно *не за что благодарить* и на его *ереси* нужно поставить крест, чтобы другим не повадно было *выискивать в марксизме противоречия* и «узкие» места, подрывая тем самым *веру* пролетариата в грядущую победу». ⁸ (Курсив мой. - М.К.)

Сущность сформулированного Бернштейном «расхождения» между идеологическим и научным аспектами марксистской теории Плеханов списывает, руководствуясь в данном случае «общим правилом» всех *ортодоксальных* марксистов, не на «какую-нибудь серьезную теоретическую потребность», а на сугубо «практическую цель», оправдывающую в глазах «критиков» «все теоретические средства: побороть или хотя бы только ослабить... революционную тенденцию передового пролетариата». ¹ В предисловии к третьему изданию работы Энгельса «Развитие научного социализма» он обращает внимание на то, что при жизни Энгельса эта проблема еще не была актуализирована. Справедливости ради следует, однако, заметить, что наличие **основного противоречия** в марксизме не было тайной для его либеральных критиков уже в тот период, когда вышла в свет его собственная, первая по счету марксистская работа (октябрь 1883г.) «Г Плеханов, - писал о брошюре «Социализм и политическая борьба» в рецензии, помещенной в эмигрантском журнале «Общее дело» А.А. Христофоров, - горячо и красноречиво убеждает русских социалистов усвоить себе принципы «научного социализма», главного и даже единственного представителя которого он видит в лице Маркса. Нельзя не сочувствовать этим призывам к научности; но *полное отождествление* последней с доктриной Маркса должно вызывать *сильное возражение* в особенности ввиду тех заключений, которые были выводимы у нас из *главных положений* этой доктрины ^{9 10}». (Курсив мой. - М.К.).

Как теоретик, Плеханов вполне осознает те преимущества, которые присущи **«диалектике в ее отношении к формальной логике»**. Но в

8 Там же. С. 160.

9 См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. II. М., 1956. С. 615.

10 Цит. По кн.: Курбатова И.Н. Начало распространения марксизма в России. М., 1983. С. 103.

той или иной конкретной ситуации данное *соотношение* у него не всегда четко рефлексировано. В частности, доказывая в полемике с Бернштейном принципиальную возможность научного социализма и руководствуясь при этом именно диалектическим методом, он не различает в *противоречии* его *разноплановые* смысловые грани.

Одним из расхожих аргументов, используемых всякого рода «критиками» Маркса, отмечает он, является утверждение, «что наука не может быть ни социалистической, ни буржуазной. Этот довод, - по его словам, - тоже основывается на смешении понятий», ибо то, что, например, «верно в применении к математике, то ошибочно в применении к общественной науке¹¹». Естественные науки, конечно, гораздо в меньшей степени подвержены воздействию идеологического фактора, но Плеханов при этом допускает существенную неточность, полагая, что развитием общества (которое является «предметом социологического исследования») «и создается возможность **буржуазной общественной науки, равно** как и научного социализма». (Курсив мой. - М.К.) Выступая против подобного «уравнивания», либеральные критики в данном случае правы в том отношении, что идеологический аспект теоретического знания нельзя рассматривать в качестве *конституирующего* в структуре и содержании *науки* и, следовательно, дифференциация ее на «буржуазную» и «социалистическую» несостоятельна ни в предметной области математики, ни даже применительно к обществознанию. Это, разумеется, не означает, что идеологическая позиция ученого (а таковая имеет место и тогда, когда он придерживается политического «нейтралитета») никак не сказывается на его научных изысканиях и что математику в этом отношении, как и утверждает Плеханов, можно приравнивать к обществоведению. Верно и то, что «общество проходит в своем развитии **известные фазы, которым соответствуют фазы развития общественной науки**». Однако в том-то и дело, что буржуазная политическая экономия, на примере которой Плеханов иллюстрирует сформулированный тезис, - это не «фаза *развития*

11 Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию произведения Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» // Эдуард Бернштейн. Возможен ли научный социализм? «Ответ Г. Плеханова». М., 1991. С. 60.

экономической науки», а лишь этап в становлении научного знания в данной области, который в своем классическом выражении завершается с возникновением марксизма, где политическая экономия приобретает свой подлинно научный фундамент в виде общетеоретической социологии. По этой причине можно говорить о «буржуазной» политической экономии (имея в виду исторически конкретное состояние формирующегося научного знания в этой области в домарксистский период), но нельзя, - о «буржуазной» общественной науке. Политическая же экономия социализма, в свою очередь, - не просто «другая фаза ее развития, непосредственно следующая за нею», как он пишет, а тот водораздел, который отделяет подлинно научное и во многом вненаучное знание. В современном своем виде теоретическое знание, относящееся к области политической экономии, в той мере, в какой оно реализует идеологическую функцию апологетики капитализма усилиями западных и отечественных теоретиков-антимарксистов, по-прежнему ненаучно, несмотря на то, что политическая экономия, появившаяся как научная дисциплина с момента возникновения марксизма, обогатилась и собственно научными приобретениями, отсутствующими в его «колыбели».

Вместе с тем, если исходить из того, что буржуазная общественная наука невозможна в принципе (вследствие отсутствия альтернативной марксизму подлинно научной методологии исследования), то этого нельзя сказать о научном социализме: прилагательное «научный» по отношению к идейному комплексу, обозначаемому термином «социализм», используется для того, чтобы отличать его от утопического, возникшего, как известно, еще до появления буржуазных теорий. Иначе говоря, научный социализм «возможен» именно постольку, поскольку невозможна «буржуазная общественная наука».

Таким образом, выдвигаемый буржуазными теоретиками в качестве доказательства их правоты контр-довод на поверку вовсе не оказывается «бессмыслицей», так как указывает на диалектическое, а не формально-логическое «противоречие» (впрочем, диалектика и сегодня для них - синоним «бессмыслицы»). К сожалению, это отличие не фиксирует и Плеханов, отмечающий, что «тут не только нет ни противоречия, ни бессмыслицы, но тут впервые получается возможность **взглянуть на**

самый процесс развития науки, как на закономерный процесс». (Курсив мой. - М.К.) Тем не менее, первому русскому марксисту вполне удается проследить *диалектически противоречивую* связь между потребностью научного знания в объективной истине и классовой ограниченностью, в той или иной степени свойственной мировоззрению каждого исследователя. «Было бы ошибкой думать, - по словам Плеханова, - что буржуазная экономия состоит из одних заблуждений. Вовсе нет! Поскольку буржуазная экономия **соответствует** определенной фазе общественного развития, постольку она включает в себе **неоспоримую научную истину**. И вот почему, - поясняет он в сноске, - *классовая буржуазная точка зрения исследователей не только не мешала в свое время прогрессу науки, но была его необходимым условием*.¹² (Курсив мой. - М.К.) Правда, продолжая эту мысль, следовало бы добавить, что и пролетарская «классовая точка зрения» способна стараниями идеологов приписывать «своим относительным истинам абсолютное значение». Впрочем, если не буквально, то *методологически* собственная позиция Плеханова - мыслителя с этим выводом согласуется или, во всяком случае, его не исключает.

Почему патриарх «русского марксизма» не был представителем его ортодоксального направления

Даже если допускать наличие во взглядах Плеханова т.н. «догматизма», ему было бы неправомерно придавать *критериальное* значение в сопоставлении с ленинской позицией по принципиальным вопросам. Во-первых, постольку, поскольку теоретическая концепция Ленина также страдает своего рода «революционным» догматизмом» (на что прямо указывает Плеханов). И, во-вторых, вследствие того, что эти «догматизмы» *разнонаправлены* и *неравнозначны* с точки зрения их фактического влияния на судьбу социалистической идеи.

Коренная причина *догматизации* марксизма его ортодоксальными «учениками» кроется в *абсолютизации* особенностей идеологии как формы общественного сознания, не учитываемых., кстати говоря, в полной мере вплоть до настоящего времени. Ортодоксы лишь *декларируют*, а фактически устраняются от *диалектического* алгоритма

¹² Плеханов Г.В. Указ. Соч. С. 60.

решения противоречия между «духом» и «буквой» марксизма. Причем, с одной стороны, доказывая легитимность «научности» идеологии, Ленин делает несомненный и значительный шаг вперед от ограниченного, однозначно-негативного смыслового оттенка данного понятия в том виде, в котором оно использовалось Марксом и Энгельсом. С другой, - именно Ленин положил начало процессу *идеологизации* (т.е. по сути разбалансировки) марксизма, доведенному Сталиным до полного логического абсурда. Вследствие *апологетически тенденциозно* принятого ортодоксами *комплексного* учения «развитие» его фактически было сведено к обоснованию заведомо ошибочного постулата о «руководящей и направляющей роли» РСДРП(б), ВКП(б)/ КПСС в борьбе за построение социализма и продвижение к коммунизму. Любое теоретическое положение, прямо или косвенно ставящее этот постулат под сомнение, признавалось недопустимым «отступлением от марксизма» и партийным руководством так или иначе на всех этапах решительно пресекалось.

Что касается Г. В. Плеханова, то уже в самом начале предпринятого большевиками партийного строительства он указывает на все проистекающие из него для революционного движения негативные последствия. Производительные силы, взятые Плехановым, как и лидерами западной социал-демократии, за точку отсчета, являются, как известно, наиболее *динамичным* элементом способа производства. Именно их неотвратимо поступательным развитием обусловлена, в конечном счете, и смена наличных производственных отношений, и те изменения, которые происходят в социальной структуре, а, следовательно, также и позитивная «долговечность» любой классовой идеологии. Все это, конечно, не что иное как «азбука» марксизма, и, осваивая ее, Плеханов уже в первой своей марксистской работе указывал, что *«всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а, следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени¹»*.

Субъективно Плеханов до конца жизни оставался всецело преданным идее «всемирно-исторической миссии» пролетариата.

Правда, не менее значимо и то, что под «диктатурой пролетариата» он подразумевает скорее его *гегемонию*, т.е. *руководящую роль в союзе со всеми остальными политическими партиями, консолидирующими прогрессивную часть общества*. В своем знаменитом «Завещании» (споры о текстуальной идентичности которого продолжаются до сих пор) он идет еще дальше, вплотную приближаясь к пониманию того, что ведущим классом в новых исторических условиях становится уже не индустриальный, а интеллектуальный пролетариат. Как бы то ни было, идеологическая установка марксизма не приобретает у него *самодостаточный* характер, а, в соответствии с марксистской же диалектико-материалистической методологией оказывается *логически производной* от экономического фактора и *степени* этого развития.

Чтобы в этом убедиться, достаточно отметить созвучность теоретической позиции Плеханова в рассматриваемом аспекте собственно *научным* выводам Маркса. «Социалистический строй, - неоднократно подчеркивал он, - предполагает, по крайней мере, два непереносимых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны». И пока этих условий нет, «толковать об организации социалистического общества в нынешней России значит вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию^{13 14}». Но если он вполне «по Марксу» расставлял акценты в трактовке соотношения объективных условий и субъективного фактора, правомерно ли причислять его к теоретикам, «которые по разным причинам уже *не поспевали* за быстротекущим временем, *не могли адекватно отвечать* на его вызов, *обходили острые вопросы современности*¹»? (Курсив мой. - М.К.)

Приходится только удивляться «современной» оценке взглядов Плеханова, демонстрируемой даже достаточно объективными исследователями. С.В. Тютюкин, казалось бы, воздает должное его «*трезвому пониманию* того, что социалистической революции должен предшествовать *длительный* процесс ее подготовки и *любой волюнтаризм* может обернуться здесь лишь *дискредитацией самой*

13 Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т 1. С. 95.

14 Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1921. Т I. С. 129.

идеи социализма с поистине фатальными последствиями... Сегодня, в исторической ретроспекции, - отмечает он. - когда мы уже знаем, к чему пришли в конце концов одержавшие победу критики и хулители Плеханова, его *политическая осторожность* и некоторый «*революционный консерватизм*», если такой термин имеет право на существование, выглядят в глазах многих наших современников *гораздо предпочтительнее*, чем революционный экстремизм и безудержное стремление к захвату власти любой ценой^{15 16}». (Курсив мой. - М.К.) Вместе с тем, при всем уважении к личности Плеханова, сравнивая его «с другими лидерами российских марксистов - Лениным, Аксельродом, Мартовым, Троцким», Тютюкин полагает, что он «оказался среди них наиболее ярким и талантливым представителем «книжного», в значительной мере *догматического* варианта марксизма, сформировавшегося в конце XIX в. во II Интернационале».

В числе инкриминируемых «книжному» или «догматическому варианту марксизма» обвинений у Тютюкина фигурирует все тот же стандартный набор из надуманных его пороков, авторство которого принадлежит *ортодоксальным* марксистам. Широко распространенное в советский период мнение о, якобы, присущем лидерам западной социал-

15 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 369. Биограф Плеханова явно не замечает того, что попадает в порочный круг двойных оценочных стандартов: накопленного исторического опыта, свидетельствующего о пагубности политики большевиков, которые «постоянно торопили историю, подталкивая народные массы к скоропалительным и радикальным действиям» и их же собственной (т.е. опровергнутой историей, но ставшей на протяжении советского периода традиционной) позицией по отношению к инакомыслящим марксистам. Отвергая «характерные для леворадикалов, в частности для Ленина, поиски новых механизмов перехода к социалистическим преобразованиям», по мнению Тютюкина, «в конечном счете Плеханов постепенно все больше превращался в догматика, который был силен в истории, но оставлял почти без внимания многие новые явления в экономике и политике (монополистическая стадия в развитии капитализма, советская форма демократии и т.д.)». То, что Тютюкин именуется «поисками новых механизмов перехода к социалистическим преобразованиям», на проверку оказалось лишь теоретически несостоятельной попыткой абсолютизации марксистской идеологии, ибо никакого иного, кроме предельно и откровенно насильственного, а тем более «нового механизма перехода» ортодоксальные марксисты предложить не смогли. Плеханов же настаивал именно на «классическом» понимании этого процесса, отредактированном в последних работах Энгельса. Однако, «счастливым образом избежав многих леворадикальных иллюзий и справедливо предупреждая об опасности левого экстремизма и разного рода социальных экспериментов, он, - по словам Тютюкина, - к сожалению, не смог нащупать ту грань, которая отделяла истинно творческий марксизм от его искажений правого и левого толка. А впрочем, - задается он риторическим вопросом, - кто из теоретиков II Интернационала нашел ее, эту золотую середину?» Если под «творчеством» понимать не идеологические «новации» «леворадикального толка», об ущербе которых Плеханов предупреждал задолго до Октября, в чем тогда состоит критерий «истинно творческого марксизма»? Тютюкин «счастливым образом избегает» проникновения в теоретическую глубину этого вопроса, оставляя его открытым, ибо в противном случае ему пришлось бы признать, что ответ на него следует все же искать в собственном Плеханову «догматическом» тяготении «к более взвешенным и осторожным решениям». Тем более, что он получал «нередко. за это незаслуженные политические пощечины и обвинения в оппортунизме и предательстве интересов революции» (См.: Там же. С. 370-371)

16 Тютюкин С. В. Указ. Соч. С. 374, 373.

демократии «экономическом детерминизме» можно смело отнести к разряду идеологически тенденциозных *преувеличений*, призванных теоретически дискредитировать их основополагающую установку. Точно также не состоятелен и тезис о «безоговорочном признании мессианской роли рабочего класса», коль скоро это «признание» выводилось из постулата о *динамике* развития производительных сил. Реализуемость принципа «соединения социалистических и демократических идеалов» сегодня, при всей его недостаточно четкой осмысленности и последовательности, все же наглядно подтверждается в практике современного социал-демократического движения. Что же касается «безграничной веры в возможность их достижения», то она, будучи поставлена на материалистическую почву, перерастает в *уверенность* и не только не препятствует прогрессивному социальному развитию, но, напротив, как и полагал Плеханов, воплощаясь в волевых усилиях, является его *необходимым условием*.

Можно ли, следовательно, «в итоге» согласиться с тем, что оставались «крайне абстрактными» и «его взгляды на социалистическую революцию и социализм»?

Неприятие взятой на вооружение большевиками макиавеллиевской формулы «цель оправдывает средства» (разделившей социал-демократов на два лагеря), явилось для Плеханова осознанным выбором, убеждением, сформировавшимся на основе принципиально иного понимания сущности *социальной* революции. Подобно Ю.О. Мартову или К. Каутскому Плеханов в своих теоретических представлениях избегает искажающе-упрощающей схемы ее политизации, т.е. редукции, выражающейся в установке на захват и удержание политической власти любой ценой. Из общей с Лениным посылки, что Россия страдает не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития, он приходит к выводу, что именно «поэтому устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом. Этому можно радоваться; этим можно огорчаться. Но кто не утопист, тот обязан руководствоваться этим в своей практической деятельности¹». Ленинскую интенцию на обострение классовой борьбы и превращение войны империалистической в войну гражданскую Плеханов

рассматривал поэтому как главную угрозу для еще не сформировавшейся российской демократии. Даже сама мысль о социалистической революции в России казалась ему не только бредовой, но и чудовищной. Плеханов прекрасно отдавал себе отчет в том, что завоевание политической власти - задача, несопоставимая по сложности с переходом к социалистическому обществу, требующим наличия целого ряда самых разнообразных факторов. Уверенность его в преждевременности форсированного проведения социалистических преобразований основывалась, в том числе, и на соответствующем мнении Энгельса, полагавшего, что благополучный исход революционной борьбы в мирное время неизмеримо *предпочтительнее* возможности более «легкой» победы революции, вырастающей из войны. Не лишним здесь будет отметить и тот факт из биографии Плеханова, который связан с благотворным влиянием на него Ф. Энгельса в ходе личных встреч с ним в 1889 г. в Лондоне.

Дистанцируясь от большевизма, Плеханов формально не причислял себя, как известно, и к меньшевикам, подчеркивая, что стоит «на точке зрения идей группы «Освобождение труда». Даже Ленин вынужден был в той или иной мере считаться со своеобразием этой позиции, именуя ее «особой». Биографы же Плеханова зачастую склонны видеть в этой многолетней идейно-теоретической самоидентификации Плеханова подтверждение якобы свойственного ему пресловутого «догматизма». В то же время, опять-таки *вопреки* собственному утверждению, С.В. Тютюкин достаточно высоко оценивает этот «своеобразный центризм, если понимать под ним не беспринципное политиканство и демагогическое использование левой фразы для маскировки своей соглашательской политики (а именно так нас учили понимать его прежде), а *поиск реалистического и сбалансированного подхода* к решению революционных задач, далекого как от левого экстремизма, так и от откровенного реформизма^{17 18}». (Курсив мой. - М.К.) Предпринимая порой героические усилия для того, чтобы встать «над схваткой», Плеханову удалось избежать односторонности меньшевистского тяготения к западноевропейской модели социал-

17 Плеханов Г.В. Год на родине. Т I. С. 214 - 215.

18 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 213.

демократического движения, с одной стороны, и большевистского радикализма, - с другой. Тактические взгляды большевиков, по мнению Плеханова, весьма схожи с особенностями таких революционеров-утопистов, как Бланки, Бакунин и им подобных, а это даже хуже, чем «пересмотренный» марксизм обвиненных в ревизионизме меньшевиков. В этой связи Плеханов высказывает весьма примечательное предположение о том, что *в условиях России Маркс был бы, пожалуй, чистейшим меньшевиком*¹. Подобная же мысль, кстати говоря, принадлежит и Н.А. Бердяеву.

Самого Плеханова у нас также нет оснований теперь, по прошествии многих десятилетий, причислять к марксистам *ортодоксального* толка, даже вопреки его самооценке (как и на примере К. Каутского). Под ортодоксией понималась тогда в марксизме некая, на поверку весьма *аморфная* альтернатива неадекватному прочтению его ревизионистами. Вся сложность заключалась в том, что фактор внутренней противоречивости марксизма радикалами чаще всего попросту *затушевывался*, а ревизионистами - бернштейнцами - «расшифровывался», но весьма поверхностно, т.е. *метафизически*. Вследствие этого критерий ортодоксии заключался вовсе не в принципиальном (формальном) признании учения о диктатуре пролетариата, как полагал Ленин. Если бы это было так, то и Плеханов, и Каутский были бы столь же идеологически «правоверными» марксистами, как Ленин, Сталин, Троцкий и целая плеяда пришедших к власти большевиков меньшего калибра. На деле, первые отнюдь не отрицали марксистской идеологической парадигмы, но рассматривали ее в качестве *логически производной* от парадигмы формационной, в то время как подлинные ортодоксы ее значение *абсолютизировали*. Поэтому Каутский, например, в работе «Путь к власти», если абстрагироваться от его общетеоретической позиции, ограничившись сформулированными им радикальными революционными выводами, *выглядит* закоренелым ортодоксом.

Что касается Плеханова, то в амплуа ортодоксального марксиста он выступил лишь однажды - на II съезде партии, где «отвлеченное», т.е. абстрактное понимание демократии противопоставил ее «основному принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*». «Благо народа» и

«успех революции» оказываются с этой точки зрения синонимичными понятиями, а всеобщее избирательное право и неприкосновенность избранного народом парламента - ценностями весьма и весьма относительными. Правда, он оговаривает, что ситуация с допустимыми нарушениями демократических принципов мыслится им как сугубо гипотетическая. Но в январе 1918 г Ленин уже без всяких скидок на усложняющие теоретическое видение проблемы детали усматривает в вышеприведенном высказывании Плеханова лишь доказательство того, что в качестве одного «из виднейших представителей *революционного* социализма» он безвозвратно остался в прошлом. Категорическое несогласие Плеханова использовать сформулированный им тезис как аргумент в пользу целесообразности разгона Учредительного собрания берется теперь в расчет только для иллюстрации его состоявшейся измены прежним убеждениям, ибо *«польза революции, польза рабочего класса - вот высший закон*. Так рассуждал Плеханов, *когда он был социалистом*. Так рассуждало тогда вместе с Плехановым громадное большинство нынешних меньшевиков, кричащих теперь о «большевистском терроре».¹ (Курсив мой. - М.К.) Выступив в оценке демократических институтов в 1903 г. с позиции революционного максимализма, Плеханов, акцентируя на их «относительной ценности», проявил, конечно, очевидную непоследовательность. Но последующий отказ от этого и всемерная защита их свидетельствовали не столько о глубине его революционного «падения» в ортодоксально-доктринальном измерении, сколько о движении в сторону теоретически более взвешенной политической линии.

Плеханову удалось, таким образом, *диалектически совместить обе концептуальные доминанты марксизма - методологию и идеологию* (т.е. то, что принято именовать «духом» и «буквой» его), исходя из гносеологической приоритетности первой. С этой предельно широкой, отвергаемой Лениным в силу «абстрактности» социально-философской точки зрения, - не обязательно даже быть социалистом, чтобы объективно «работать» на социалистическую революцию. В условиях разразившейся мировой войны достаточно, по мысли Плеханова, *способствовать* перед лицом *внешнего* врага решению

общенациональных задач, вытекающих из назревшего «вызова» современности - вхождения России в европейскую цивилизацию. Как сравнительно немногие российские социал- демократы, он отчетливо понимал, что Россия нуждается не в замене одного «централизованного деспотизма» другим, а в создании *гражданского общества*, могущего успешно противостоять *любой* его форме.

Эта нереализованная по вине большевиков даже к началу XXI в. первостепенная по своей важности задача продолжает оставаться ключом к «европеизации» России.

Факторы политического поражения Плеханова как доказательства его исторической правоты

Выбранная Плехановым тактика разумного, по *европейским* меркам «скроенного» компромисса как *единственной* реальной политической альтернативы левому и правому экстремизму потерпела поражение вовсе не потому, что не отвечала коренным общенациональным интересам. Вопреки идеологически культивируемому в советский период мифу, она не была, строго говоря, и утопической, если учитывать в тогдашнем общественном сознании настроения не только центробежные, но и *объективно способствовавшие консолидации* всех прогрессивных патриотических сил. Носители монархической идеи оставались, разумеется, и после отречения от власти последнего российского царя (как, собственно говоря, их можно встретить и сегодня). Но при этом на волне общенационального неприятия поверженного абсолютизма вполне могли получить продолжение общедемократические, а не исходящие от большевиков «социалистические» импульсы. Исторически некорректно было бы списывать со счета их явное нежелание «притормозить» нараставшие в стране разруху и хаос, которым партия «нового типа» весьма эффективно противопоставила мощь своей внутренней «железной» организации. Ортодоксы прилагали, несомненно, все усилия для того, чтобы *сорвать достижение общенационального консенсуса*, лишить какого бы то ни было позитивного смысла деятельность всех остальных партий и,

выдвигая ультрареволюционные лозунги, выстроить общую логику движения событий в нужном *для себя* направлении. Раскачать же «лодку» российской государственности с тем, чтобы опрокинуть ее, на практике оказалось задачей гораздо *менее сложной*, чем направить ее в русло осуществляемых Западом демократических преобразований.

С другой стороны, и Октябрьский выбор, заменив демократические лозунги революции *псевдосоциалистическими* (социалистическими по форме и державно-модернизационными по содержанию), оказался далеко не случайным зигзагом в российской истории. Однако корни такого рода «закономерности перехода к социализму» хотя и ведут к марксизму, но предварительно «прорастают» сквозь толщу социально-психологического склада мировосприятия.

Так или иначе, на гипертрофию идеологической составляющей марксизма, в значительной мере *созвучной* настроениям широких масс трудящихся, вынуждены обращать внимание все исследователи. Привлекательностью «своевременно» выдвинутых политических лозунгов объясняются успех большевиков и, соответственно, отсутствием массовой поддержки - прижизненное поражение Плеханова. Однако можно ли согласиться с тем, как полагает С.В. Тютюкин, что «политика была, мягко говоря, *не самой сильной стороной* его многогранной деятельности», на том основании, что его «здесь... *переигрывал* не только Ленин, но и некоторые *гораздо более посредственные* люди», а сам он «не мог предложить народу *ничего равноценного* большевистскому максимализму»?

Искусство политического руководства безусловно предполагает *умение вести за собой* определенную часть общества, но при этом, во всяком случае, *не менее важное* значение имеет «выбор пути». И если «Плеханов *не захотел влиться* в тот бурный и мутный поток экстремизма и анархии, который катился тогда по России», то в проигранной им схватке за будущее страны состоит не только и даже не столько его личное поражение, сколько трагедия *общенационального* масштаба, всего российского суперэтнуса.

В резюмирующей части своей оценки Плеханова-политика Тютюкин акцентирует на неизбежности его «политического одиночества», но при этом как-то не очень внятно формулирует те «правила», по которым

велась упомянутая «игра». Он упоминает лишь, что Плеханов «был лишен черт харизматического лидера, не был фанатиком, авантюристом, демагогом или политическим гешефтмахером. За ним не стояли преданные ему боевые отряды или мощные финансовые группы. Наконец, он не сумел в силу многих обстоятельств стать вождем сильной политической партии или группы, без чего в XX в. серьезный политический успех практически невозможен».¹ (Курсив мой. - М.К.) Таким образом, политическая борьба была проиграна Плехановым, как пишет его биограф, «в силу многих обстоятельств». Но он забывает добавить, что со стороны всех оппонентов Плеханова, включая Ленина, «игра» велась за редким исключением по «правилам»¹⁹ догматического, а не диалектического способа мышления. Церковный догматизм, который, как справедливо считал Плеханов, всегда доминировал на Руси, нашел, по его словам, своеобразное продолжение в догматизме революционном и прежде всего большевистском. Принять такого рода «правила игры» - значило бы уподобиться тем, с кем он вынужден был вести все более ожесточенную и в целом исторически оправданную полемику.

Не отличаясь в этом отношении принципиально от носителей обыденного сознания, идейные, в том числе и некоторые весьма «посредственные» противники Плеханова, «переигрывали» его, следовательно, за счет «понятного» массам, но *вненаучного* алгоритма мышления. В арсенале используемых ими средств идеологического воздействия важнейшую роль играла социальная демагогия, нашедшая для себя в России исключительно благоприятную почву. Ее манипулятивный потенциал многократно возрастал вследствие низкой политической культуры российского электората, ведомого такими мастерами «жанра», как пламенный трибун Троцкий, а впоследствии и прибравший к рукам всю полноту власти Сталин.

К этой когорте революционеров, как ни прискорбно, следует причислить и Ленина, причем в качестве «первопроходца». Ни до, ни после него ни один российский политический деятель харизматического типа не оказывал в своих публичных выступлениях столь магнетического, завораживающего воздействия на аудиторию.

¹⁹ Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 371.

Традиционно объяснение подобному эффекту находят главным образом в неподражаемом ленинском умении переводить теоретически сложные проблемы на язык, доступный неподготовленным к их усвоению слушателям. Однако Ленину при ближайшем рассмотрении отнюдь не всегда удавалось безошибочно нащупывать грань между *популяризацией* и *вульгаризацией* теоретического знания, по крайней мере, в части интерпретации социально-философской проблематики марксизма. Именно здесь им были допущены теоретические ошибки, последствия которых дают о себе знать до сих пор. Можно было бы, конечно, оспорить мнение Плеханова о том, что «Ленин демагог *до конца ногтей*»,¹ поскольку оно отдает излишней прямолинейностью и гиперболизацией. Как бы то ни было, стремление к реализации социалистического идеала было для «вождя мирового пролетариата» желанием вполне *искренним*, хотя и не лишенным честолюбивых амбиций. Будучи незаурядной харизматической личностью, Ленин способен был убедить в своей правоте и повести за собой многих. Но трудно отрицать, что свойственные софистике в мышлении и демагогии в риторике приемы аргументации он действительно практиковал на протяжении всей своей четвертьвековой революционной деятельности, начиная с критики весьма односторонне понятой им идеологии народников. В свою очередь, и политическая, а не только теоретическая позиция Плеханова не «проигрывает», а, напротив, многократно «выигрывает» как раз постольку, поскольку он оставался принципиальным противником того, что на современном языке именуется «достижениями» PR-технологии.

Объяснение далеко не всегда может служить оправданием. Но Тютюкин, на мой взгляд, гораздо ближе к истине тогда, когда указывает на то, что превращение Плеханова «в глубоко трагическую фигуру отечественной истории» было обусловлено тем, что его «идеи...*обгоняли* свое время,.. *контрастировали с классовым эгоизмом всех слоев русского общества и их низкой политической культурой,.. не вписывались в анархо-бунтарские, грубо-уравнительные настроения широких народных масс*¹». (Курсив мой. - М.К.) Вместе с тем, допуская, что представленные в теоретическом наследии Плеханова «идеи. обгоняли свое время», придется отвергнуть вышеприведенные

обвинения в догматизме, сдаче «позиции теоретикам нового поколения марксистов», а также не согласиться с тем, что он «не смог нащупать ту грань, которая отделяла истинно творческий марксизм от его искажений правого и левого толка».

Подлинная трагедия состоит, следовательно, в том, что предпринятая Плехановым *исторически назревшая попытка перехода к строительству гражданского общества* не дала ожидаемого эффекта потому, что резко диссонировала с тем, что принято считать незыблемой и *неизменной* основой любой социально-этнической общности - ее менталитетом. Отсюда, казалось бы, вполне правомерен и вывод о бесперспективности любой попытки его *реструктуризации*. Даже Н.А. Бердяев с его блестящим диалектическим дискурсом лишь *диагностирует* негативные последствия отличительной особенности российского менталитета, сконцентрированной в феномене «русского максимализма».

Прекрасно отдавая себе отчет в пагубности идеологического «маневрирования» с опорой на сферу социальной психологии, Плеханов,²⁰ разумеется, «не мог предложить народу ничего равноценного *большевистскому*¹ максимализму», а, следовательно, не мог рассчитывать и на незамедлительное и *полное* взаимопонимание со стороны трудящихся масс. Для того, чтобы они смогли осознать *собственные* интересы, от партийного авангарда требовалось, как справедливо полагал Плеханов, не разжигание страстей и подыгрывание инстинкту классовой ненависти, а упорная и кропотливая работа по формированию политической культуры, - работа, в значительной степени уже проделанная «соглашательски» настроенной западной социал-демократией. Самым весомым итогом ее явилась бы в случае успеха вошедшая, что называется, в плоть и кровь, способность не теряя уверенности в конечной цели, *последовательно* двигаться к ней, избегая кровопролитных социальных потрясений и руководствуясь той разновидностью компромиссов, которая ассоциируется с политической *мудростью*, и которую, кстати говоря, «абстрактно-теоретически» вполне допускал и Ленин. Весь вопрос, однако, в том, *что именно* принимать за «коренные» интересы «самого передового класса» и *гарантии*

20 См.: Тютюкин С.В. Указ. Соч. С. 335.

исторической необратимости социальных достижений.

Тот факт, что сформулированная Плехановым взвешенная политическая линия натолкнулась в общественном сознании на стену непонимания и была с помощью большевиков однозначно *отвергнута*, остается должным образом не осмысленным и сегодня. Так, оценивая согласно общепринятой схеме теоретический и политический ресурс «отца» русского марксизма, его биограф исходит из того, что если мыслитель не «вписывается» в структуру «национального духа», в этом противостоянии он может выбирать только между вынужденным приспособлением и неизбежным поражением. «Попытки Плеханова строить стратегию и тактику РСДРП по западным марксистским образцам, - пишет Тютюкин, - *не соответствовали* ни степени зрелости российского капитализма, ни уровню политической культуры тогдашних россиян, ни их *менталитету*, для которого *плехановский рационализм, системность и логика оставались в конечном счете чуждыми и непонятными*²». (Курсив мой. - М.К.)

Но ведь Плеханов как раз по этой причине справедливо полагал, что пролетариат еще не готов взять власть в свои руки. «Передоверие» же тяжкого груза властных полномочий партийному «штабу», по его убеждению, только ²¹ провоцирует неоправданное насилие и дискредитирует социалистическую идею. Проводимая политика является в этом случае тем более преступной, что реализуется она «под знаменем марксизма»

21 В основе своей - русскому. - М.К.

2 Тютюкин С.В. Указ. Соч. С.373.